

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Самойлов Дмитрий Александрович

**Раннехристианские апологии и их аудитория
во II – первой половине III в.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – *Бугаева Наталья Владимировна,*
кандидат исторических наук
- Официальные оппоненты** – *Парфенов Виктор Николаевич,* доктор
исторических наук, профессор;
Саратовская православная духовная
семинария Саратовской епархии Русской
Православной Церкви, кафедра Церковной
истории, профессор
- Постернак Андрей Владимирович,*
доктор теологии, доцент; Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, кафедра всеобщей истории,
профессор; историко-филологический
факультет, декан
- Хорькова Ирина Валентиновна,*
кандидат исторических наук; Российский
университет транспорта (МИИТ),
Юридический институт, кафедра
«Морское право и международное право»,
доцент

Защита диссертации состоится «22» сентября 2025 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3493>

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Являясь одной из мировых религий, христианство сыграло колоссальную роль в истории человеческой цивилизации, оказав влияние на все сферы общественной жизни. За сравнительно краткий исторический срок оно получило широкое распространение по всей средиземноморской ойкумене, уже в IV в. став господствующей религией Римской империи. До сих пор исследователи задаются вопросом о причинах успешного распространения нового вероучения, сумевшего сокрушить традиционные, глубоко укоренённые воззрения и овладеть душами представителей всех социальных слоев. Христианство в античности преодолело множество препятствий: во II в. против Церкви выступают носители государственной власти, происходят гонения, часто заканчивающиеся смертью верующих; ведётся ожесточенная идеологическая борьба, нашедшая отражение в творчестве таких выдающихся писателей, как Фронтон, Лукиан и Цельс. В этих условиях для христиан становится насущной задачей выработка стратегий коммуникации с внешней средой.

М. Фидрович справедливо отметил, что центральной фигурой Церкви II–III вв. становится не странствующий проповедник, несущий благовест людям, ничего о ней не знающим (как это было во времена апостолов и мужей апостольских), а лицо, способное вести полемику с яркими противниками нового вероучения¹. Создаются труды, которые в церковной традиции определяются в качестве апологетических. В полемическом аспекте апологетики исследователи усматривали её обращённость к внешнему адресату – к тем, кто не принадлежал к христианской Церкви². Но в настоящее

¹ Fiedrowicz M. Apologie im frühen Christentum. Die Kontroverse um den christlichen Wahrheitsanspruch in den ersten Jahrhunderten. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2000. S. 15.

² Pressense E., de. The early years of Christianity: The martyrs and apologists. New York: Charles Scribner & Co., 1870. P. 528–529; Сагарда Н.И. Лекции по патрологии I–IV века. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 200–201; Епифанович С.Л. Лекции по патрологии (церковная письменность

время наметилась тенденция, когда учёные акцентируют внимание на ином аспекте – стремлении раннехристианских авторов определить собственную идентичность в условиях постоянных притеснений³. В данной связи особую важность приобретает проблема адресации апологетических сочинений: было ли это обращение к язычникам, чтобы ознакомить их с христианским мировоззрением или к своим собратям с целью развеять сомнения в вере, вызванные внешними неблагоприятными условиями существования Церкви. Этот вопрос далёк от разрешения в мировой историографии, в отечественной науке ему не посвящались специальные труды, что предопределяет актуальность темы диссертационной работы.

Объектом исследования является полемика христиан с язычниками во II – первой половины III в. как феномен общественной жизни Римской империи. **Предметом** – жанр и читательская аудитория христианских апологетических текстов.

Цель нашего исследования заключается в выявлении социального адресата апологий, т.е. тех групп, для которых они предназначались и среди которых имели хождение.

Для достижения сформулированной цели мы определяем следующие **задачи**:

1. Поскольку деятельность апологетов проходила в условиях гонений на христиан, необходимо проанализировать историю взаимоотношений раннехристианской Церкви и Римского государства во II – первой пол. III в. и выяснить, в какой мере было возможно коммуницирование апологетов с внешней нехристианской аудиторией (в том числе, с представителями власти);

I–III вв.). СПб.: Воскресение, 2010. С. 223; Вдовиченко А.В. Христианская апология: краткий обзор традиции // Раннехристианские апологеты II–IV веков. Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 6.

³ Edwards M., Goodman M., Price S., Rowland Ch. Introduction: Apologetics in the Roman World // *Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians*. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 1–13; Petersen A.K. The Diversity of Apologetics: from Genre to a Mode Thinking // *Critique and Apologetics: Jews, Christians and Pagans in Antiquity* / Ed. by A.-C. Jacobsen, J. Ulrich, D. Brakke. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 23–31; Лебедев П.Н. Рим и христианство: переосмысление истории в апологетике II–III вв. // *Вестник древней истории*. 2018. №4. С. 889–904.

2. Необходимо выяснить основные значения, вкладываемые раннехристианскими авторами в термин «апология», а также определить характерные признаки апологетического жанра;

3. Так как большинство апологетов в своих сочинениях прямо обращается к правителям Империи, следует выяснить, в какой мере данные авторы применяют риторические стратегии, использующиеся в обращениях к императорам и наместникам провинций. Для этого необходимо сопоставить апологии с текстами сохранившихся петиций и рекомендациями Менандра Ритора для их составления;

4. Поскольку авторы апологий критикуют языческую мифологию и философию, необходимо проанализировать их аргументацию и определить, для какой аудитории (языческой или христианской) она являлась наиболее убедительной.

Структура исследования определяется вышеуказанными задачами, она включает в себя три главы, разделённые на параграфы. В первой главе рассматривается положение Церкви в Римской империи при Антонинах и Северах; выявляются возможности и способы обращения апологетов к нехристианской аудитории, в том числе к императорам. Во второй главе анализируются лексемы ἀπολογία и ἀπολογέομαι, определяется «ядро» жанра – апологии Аристида, Юстина, Афинагора и Тертуллиана; решается вопрос о соотношении апологии и протрептического сочинения. Третья глава посвящена анализу произведений названных авторов: выделяются черты сходства и отличия этих текстов от петиций на имя императоров; выявляются приёмы, используемые авторами для убеждения читателей, на основе чего определяется аудитория текстов.

Хронологически работа охватывает период правления императорских династий Антонинов и Северов (96–235 гг.). К концу I в. христианство уже стало заметным явлением в общественной жизни, оно приобрело многих сторонников, в том числе людей образованных и высокопоставленных. Это вызвало обострение борьбы между носителями языческого и христианского

мировоззрений, дав мощный импульс к развитию апологетики. Необходимо, однако, учитывать, что научная, философская или религиозная мысль часто находит максимально целостное воплощение не на ранних этапах развития, а в более позднее время. Наиболее зрелым представителем раннехристианской апологетики является сочинение Оригена «Против Цельса», где автор аккумулировал всю аргументацию и приёмы полемики с язычниками. Написан этот труд был в правление Филиппа Араба (244–249 гг.), несколько позже эпохи Северов. К данному произведению необходимо обратиться, поскольку из всех сочинений древней Церкви оно наиболее явственно определяет аудиторию и функции апологетических текстов.

В основу **методологии** исследования положен принцип историзма. Апологетика рассматривается как явление общественной жизни Римской империи II–III вв., порождённое условиями социально-политического и культурного характера, а также как определённый этап в развитии христианской мысли.

В исследовании использовались сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-системный методы, а также терминологический анализ лексики нарративов. *Сравнительно-исторический метод* позволил сопоставить положение христиан в правление Антонинов и Северов, определить условия деятельности апологетов в правление императоров обеих династий и выявить специфику их обращения к представителям власти по сравнению с апеллированием других подданных Римской империи. *Историко-генетический метод* позволил изучить раннехристианскую апологетику в динамике, определить особенности её развития на различных стадиях. Применение *историко-системного метода* способствовало определению места раннехристианской апологетики в общественно-политической и культурной жизни Римской империи во II – первой половине III в. *Терминологический анализ* позволил выявить комплекс апологетических текстов и сделать вывод об их связи с нехристианской аудиторией.

Поскольку предметом настоящей работы являются жанр и читательская аудитория апологетических текстов, которые циркулировали в определённой социальной среде, несли изначально заложенный посыл и порождали соответствующий отклик, особую важность приобретает методология *интеллектуальной истории* или *истории идей*. Как отмечает Л.П. Репина, задача данного направления заключается «в исследовании интеллектуальной деятельности и интеллектуальных процессов (в сфере гуманитарного, социального и естественно-научного знания) в их конкретно-историческом социокультурном контексте»⁴. Данный подход позволяет определить, как воспринимались основные идеи апологетов среди церковной и нецерковной аудитории; выявить пути и средства распространения текстов и влияние общественного статуса авторов на этот процесс. Таким образом, раннехристианская апологетика рассматривается нами в единстве формы, содержания и исторического контекста.

Необходимо исходить из постулата, что апологии – не просто литературные сочинения. Поскольку их создатели защищали вероучение и образ жизни ранних христиан, первична религиозная направленность. Соответственно важны методы, применяемые в таком направлении интеллектуальной истории как *религиозная история*, изучающая не Церковь как институт, не религиозные догматы и ереси, а религиозное сознание и мышление – «история разделяемых духовенством и мирянами верований и идеалов, задающих интерпретационные модели и выступающих как один из решающих факторов ориентации личностной и групповой интеллектуальной или квази-интеллектуальной деятельности»⁵.

Источниковая база исследования представлена преимущественно нарративными источниками.

Основными источниками являются сочинения, которые определяются в качестве *апологетических* церковной традицией (апологии Аристида, Юстина,

⁴ Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009. С. 256.

⁵ Там же. С. 257.

Тертуллиана), а также «Прощение о христианах» Афинагора Афинского. Несмотря на то, что церковная традиция не характеризует его подобным образом, автор неоднократно употреблял термин «апология» по отношению к своему труду (Athenag. Leg. 2. 6; 11. 3; 17. 1; 31. 3).

Патрология нового и новейшего времени относит к апологиям «Речь к эллинам» Татиана, «Три книги к Автолику» Феофила Антиохийского, диалог «Октавий» Минуция Феликса и анонимное «Послание к Диогнету». Эти тексты важны для сопоставления с сочинениями, которые древняя церковная традиция (в лице Евсевия, Иеронима и Орозия) называла апологетическими, что позволяет более точно определить границы жанра.

Для изучения проблемы аудитории апологий важны *произведения церковных историков*. В первую очередь следует выделить «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, которая наиболее приближена к эпохе апологетов. Информация позднейших авторов во многом напрямую восходит к Евсевию. Вместе с тем к сообщениям этого историка следует относиться с осторожностью и определённой долей критики. Помимо «Церковной истории» важно учитывать свидетельства «Хроники» Евсевия. Несмотря на то, что события в ней излагаются кратко, тем не менее, некоторые акценты в «Хронике» автор расставляет иначе, нежели в «Церковной истории».

Среди церковно-исторических сочинений следует выделить труд блаженного Иеронима Стридонского «О знаменитых мужах (De viris illustribus)». Хотя сведения Иеронима часто зависят от Евсевия, тем не менее у него встречаются некоторые важные детали, которых у его предшественника нет (в первую очередь, касательно апологета Тертуллиана).

Третий церковный историк, который упоминает об апологетах, – Орозий Павел. Его сообщения, в основном, зависят от Евсевия, но, повествуя о гонениях, сопровождавших деятельность апологетов, он добавляет ряд уникальных подробностей.

Информация о гонениях на христиан встречается у таких авторов как Лактанций и Сульпиций. Первый в произведении «Божественные

установления» со ссылкой на юриста Ульпиана упоминает антихристианские рескрипты императоров II–III вв. Сульпиций повествует о гонениях во второй книге «Хроники». Его сведения крайне лаконичны, но приводятся ценные сведения о законах Нерона против христиан.

О гонениях II–III вв. обширный материал предоставляет *агиографическая литература*, в частности, мученические акты: несмотря на интерполяции, сделанные христианами переписчиками, они восходят к источникам документального характера.

Помимо сочинений апологетов и сообщений о них, в качестве источника привлекались *новозаветные тексты*: они предшествуют эпохе апологетов, однако предоставляют богатый материал для понимания апологетического жанра.

Для изучения гонений в Римской империи большую значимость имеют немногочисленные *свидетельства языческих авторов*. Плиний Младший в 96 письме своей переписки с императором Траяном упоминает о христианах и подробно описывает судебное дело, которое вёл против них, будучи наместником Вифинии. 97-е письмо представляет собой рескрипт Траяна о христианах: это первый исторический документ, который характеризует отношения Церкви и Римского государства во II в. О христианах упоминают языческие историки, авторы созданных в IV веке жизнеописаний августов – *Scriptores Historiae Augustae*. В биографиях встречается информация о конкретных мерах, предпринятых императорами к христианам (в первую очередь правителями из династии Северов).

Произведение Флавия Филострата «Жизни софистов», написанное во второй четверти III в., содержит богатую информацию об общественном положении риторов и философов II – начала III вв., их отношениях с императорами. Эти сведения помогают прояснить вопрос об общественном статусе раннехристианских апологетов.

Для того, чтобы определить литературную форму апологий, необходимо обратиться к посвящённым риторическому искусству трактатам Менандра

Ритора, автора конца III – начала IV вв. Менандр даёт рекомендации, как составлять те или иные речи; не обходит он вниманием и обращение к наместнику провинции (*προσφωνήτικος λόγος*, Menander. 415. 1 – 418. 4), и речь, обращённую к принцепсу, от имени общины с просьбой о покровительстве (*πρεσβευτικός λόγος*, Ibid. 423. 6 – 424. 2). Произведение Менандра уникально в своём роде; его рекомендации позволяют выявить, в какой мере христианские апологии, адресованные носителям власти, соответствовали принятым нормам обращения к властителям Империи.

Сочинение Менандра относится к теории ораторского искусства: в нём представлены риторические стратегии такими, какими они должны быть. Особую важность в этой связи приобретают источники, которые отражают не идеальную модель, а повседневную практику обращения подданных к правителям. До наших дней сохранились *надписи* с петициями (*libelli*) к императорам. В двух из них (прошение жителей Скаптопары, адресованное Гордиану в 238 г., и прошение жителей Арагуи к Филиппу Арабу, датированное 244–246 г.) содержится *inscriptio* (надписание) с указанием имён и титулов адресата. Исходя из анализа *inscriptio*, можно выявить общую формулу обращения к принцепсу и сопоставить её с обращениями апологетов к императорам. Оба документа созданы несколько позже изучаемого периода (эпоха Антонинов и Северов), но их значимость в том, что они сохранились в полном виде: можно проследить структуру этих текстов, определить риторические приёмы, использованные составителями, и провести сравнение с апологиями.

Степень изученности темы. Первоначально к данной тематике обращались церковные историки и богословы. Апологетика изучалась, по большей части, на базе позитивистской методологии, т.е. учёные рассматривали сообщения церковной традиции об апологетах, исследовали рукописи, которые донесли тексты сохранившихся апологий, определяли их датировку, выявляли идейное содержание и т.д. Апологетам уделялось

внимание как в общих трудах, посвящённых истории Церкви и раннехристианской литературы (Э. де Прессенса, Дж. Дональдсона, Ч. Круттвела, Э. Ренана, К.И. Скворцова, Н.Н. Сагарды, С.Л. Епифановича⁶ и др.), так и в специальных работах (А. Гарнака, Й. Геффкена, А. Пюэша, С. Остроумова, И.П. Реверсова⁷ и др.). В науке XIX – начала XX вв. накапливается фактический материал, устанавливаются достоверные сведения об апологетах, определяется идейное содержание их работ. Вопрос об адресате апологий ещё не стал темой самостоятельных исследований.

В XX веке наметились серьёзные изменения в изучении раннехристианской апологетики. В то время как на Западе интерес к апологетической литературе первых веков христианства возрастал, в отечественной науке эта тематика ушла на периферию исследований, что было связано с установлением Советской власти и воинственной антирелигиозной политикой нового режима. Между тем, западными учёными были сделаны важные уточнения относительно происхождения и функций раннехристианских апологий, а также условий, в которых они были созданы. В работах Э. Гуденоу, А.Д. Нока, С. Бенко и Р. МакМаллена⁸ была подвергнута сомнению адресация апологий императорам, равно как и обращение апологетов к внешней нехристианской аудитории. Однако большинство

⁶ Pressense E., de. Op. cit. P. 526–628; Donaldson J. A critical history of Christian literature and doctrine from the death of Apostles to the Nicene council. Vol. 2. The apologists. London: MacMillan and Co., 1866. 343 p.; Cruttwell Ch. T. A Literary history of Early Christianity: including the Fathers and the chief heretical writers of the ante-Nicene period. Vol. 1. London: Charles Griffin and Company, 1893. 316 p.; Ренан Э. Христианская церковь. М.: Изд. центр «Терра», 1991. 303 с.; Скворцов К.И. Философия отцов и учителей Церкви. Киев: Типография Киевского губернского управления, 1868. 383 с.; Сагарда Н.И. Указ. соч. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. 796 с.; Епифанович С.Л. Указ. соч. СПб.: Воскресение, 2010. 608 с.

⁷ Harnack A. Die Überlieferung der griechischen Apologeten des zweiten Jahrhunderts in der alten Kirche und im Mittelalter. Leipzig: Hinrichsshe Buchhandlung, 1883. 300 S.; Geffcken J. Zwei Griechische Apologeten. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1907. XLIII, 333 S.; Puech A. Les Apologistes Grecs du IIe siècle de notre ere. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1912. 344 p.; Остроумов С., свящ. Разбор сведений Евсевия Кесарийского и бл. Иеронима Стридонского о греческих апологетах христианства второго века. М.: Типография Э. Лиснер и Ю. Роман, 1886. 213 с.; Реверсов И.П. Очерк западной апологетической литературы II и III вв.: Исследование из области древней церковной письменности. Казань: Типография Императорского Университета, 1892. 353 с.

⁸ Goodenough E. The theology of Justin Martyr. Jena: Verlag Frommannsche Buchhandlung, 1923. P. 82; Нок А.Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / Пер. с англ. и науч. ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2011. С. 210; Benco S. Pagan Rome and Early Christians. London: B.T. Batsfort Ltd., 1985. P. 42; MacMullen R. Christianizing of the Roman Empire (A. D. 100–400). New Haven; London: Yale University Press, 1984. P. 20–21.

исследователей (В. Йегер, Г. Чедвик, Ж. Даниелу, Р. Грант⁹ и др.) в это же время придерживалось традиционного взгляда на адресата апологий. Значимый вклад в изучение данного вопроса был сделан Ф. Милларом. В своём исследовании «Император в римском мире (31 г. до н.э. – 337 г. н.э.)» он рассматривал апологию как форму обращения к правителям Империи. Автор отмечал, что нельзя с большой точностью определить, в самом ли деле апологии были направлены императорам в качестве официальных петиций или являлись их стилизацией¹⁰. Тем не менее, учёный сделал важные замечания относительно сохранившихся апологетических сочинений. Апологии Юстина, согласно Миллару, хотя и гораздо длиннее известных петиций, тем не менее, могли таковыми быть¹¹. В целом, Ф. Миллар не отрицал реальную возможность апеллирования апологетов к римским властям¹².

У. Шёдель проводил сопоставление «Прошения» Афинагора с нормами посольской речи, обращённой к императору. Исследователь пришёл к выводу, что раннехристианские апологии не соответствовали ни нормам посольских речей, ни нормам частных петиций. Однако исследователь не ставил под сомнение реальность обращения апологетов к правителям; касательно формы апологий он определял её как петицию с апологетическим основанием¹³.

В советской историографии раннехристианской апологетике не уделялось большого внимания. К этой теме исследователи обращались в рамках общих трудов по истории христианства или раннесредневековой философии. А. Б. Ранович посвятил апологетам отдельную главу в «Очерке

⁹ Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М.: Издательство «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2014. С. 54; Chadwick H. Early Christian thought and the Classical tradition. Oxford: Oxford University Press, 1966. P. 5; Danielou J. Gospel Message and Hellenistic Culture. London: Darton, Longman & Co; Philadelphia: Westminster Press, 1973. P. 8–9; Grant R. Greek Apologists of the Second Century. Philadelphia: Westminster Press, 1988. P. 9–10.

¹⁰ Millar F. The Emperor in the Roman World (31 B.C. – A.D. 337). London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1977. P. 561.

¹¹ Ibid. P. 563.

¹² Ibid. P. 566.

¹³ Schoedel W. Apologetic Literature and Ambassadorial Activities // The Harvard Theological Review. 1989. Vol. 82. P. 74.

истории раннехристианской церкви»¹⁴: проблемных вопросов автор не касался, ограничиваясь простым перечислением известных апологетов и кратким изложением их взглядов¹⁵. Г.Г. Майоров уделил внимание апологетам в книге «Формирование средневековой философии. Латинская патристика». Апологии интересовали его как памятники религиозно-философской мысли; он подчёркивал, что апологеты ставили своей целью защиту христиан перед властью имущими язычниками¹⁶. В.В. Бычков в работе «Эстетика поздней античности» дал изложение эстетических взглядов раннехристианских авторов, но проблема адресации апологий оказалась вне его внимания¹⁷.

Если в XX в. отрицание внешнего адресата апологий не имело широкого распространения, то в современной историографии эта точка зрения получает большую популярность. Наиболее полное и систематическое обоснование данной позиции представлено в диссертационном исследовании П.Л. Бак¹⁸. В поддержку этой точки зрения исследовательница приводит ряд доказательств. Во-первых, в надписаниях апологий содержатся серьёзные ошибки в титулатуре императоров, что для официальных документов вряд ли было допустимым¹⁹. Во-вторых, апологии подчас содержат критику правительства и официальной религии, в том числе императорского культа, что также едва могло соответствовать принятым нормам²⁰. Наконец, сам статус христианской религии в Римской империи как *religio illicita* (запрещённая религия) не позволял христианам обращаться с петициями к каким-либо должностным лицам²¹. П.Л. Бак отрицает распространение апологий среди нехристианской аудитории²². Исследовательница отмечает, что апологии, вероятнее всего,

¹⁴ Ранович А.Б. Очерк истории раннехристианской церкви // О раннем христианстве. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 196–454.

¹⁵ Там же. С. 339–351.

¹⁶ Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. С. 55.

¹⁷ Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М.: Наука, 1981. 325 с.

¹⁸ Buck P. L. Second-century Greek Christian Apologies Addressed to Emperors: Their Form and Function. Dissertation PhD. Ottawa, 1997. Некоторые выводы данной диссертации отражены в статьях: idem. Athenagoras' "Embassy": A Literary Fiction // The Harvard Theological Review. 1996. Vol. 89. P. 209–226; idem. Justin Martyr's Apologies: Their number, destination and form // Journal of Theological Studies. 2003. Vol. 54. P. 45–59.

¹⁹ Idem. Second-century Greek Christian Apologies... P. 240.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 222.

²² Ibid. P. 260–261.

имели хождение в христианской же среде, и среди главных их функций выделяет обучение основам веры, увещание и утешение для новообращённых²³.

Позиции П.Л. Бак на сегодняшний день придерживаются такие исследователи как А.К. Петерсен, Ю. Лью, Д.Х. Уильямс²⁴. Традиционный взгляд, согласно которому апологии были обращены к нехристианской аудитории, в современной литературе отстаивают Б. Пудрон, М. Фидрович, Й. Ульрих и др.²⁵.

В новейших работах поднимается вопрос об определении апологии как жанра: Ф. Янг утверждает, что апологетика включала в себя множество форм: официальные обращения, послания, диалоги, и говорить о едином апологетическом жанре не приходится²⁶, в то время как М. МакГихи в статье о Татиане предлагает трактовать апологетику в узком смысле как защитительную речь²⁷.

Интерес к апологетическим текстам возник в современной отечественной исторической науке. Это связано с падением идеологических ограничений и установлением методологического плюрализма в науке. В 2000 году был издан сборник, посвящённый раннехристианской апологетике, содержащий исследования и переводы²⁸. Апологетам посвятил диссертационное исследование А.П. Большаков. В нём автор предлагает отказаться от деления апологетических текстов на «юридические» и «учёные». Апология, с точки зрения А.П. Большакова, – не оправдание, а акт веры, «как

²³ Ibid. P. 272–277.

²⁴ Petersen A.K. The Diversity of Apologetics: from Genre to a Mode Thinking // Critique and Apologetics: Jews, Christians and Pagans in Antiquity / Ed. by A.-C. Jacobsen, J. Ulrich, D. Brakke. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 26; Lieu J. M. Jews, Christians and “Pagans” in Conflict // Critique and Apologetics: Jews, Christians and Pagans in Antiquity / Ed. by A.-C. Jacobsen, J. Ulrich, D. Brakke. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 52–54; Williams D.H. Defending and Defining the Faith: An Introduction to Early Christian Apologetic Literature. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 34–37.

²⁵ Pouderon B. Les Apologistes Grecs du IIe siècle. Paris: Les Editions du Cerf, 2005. P. 55–57; Fiedrowicz M. Op. cit. S. 15–17; Ulrich J. Apologists and apologetics in the second century // In defence of Christianity: Early Christian apologists. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. P. 7.

²⁶ Young F. Greek apologists of the Second Century // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 82.

²⁷ McGehee M. Why Tatian never “Apologetized” to Greeks // Journal of Early Christian Studies. 1993. Vol. 1. P. 143–158.

²⁸ Раннехристианские апологеты II–IV вв. М.: Ладомир, 2000. 189 с.

распространённое мученичество»²⁹. Апологетике важное место уделил А.И. Сидоров в своём курсе патрологии. Но, к сожалению, специально проблему адресации апологий он не рассмотрел. Данного вопроса касается П.Н. Лебедев в нескольких своих статьях³⁰. Автор полагает, что основной аудиторией апологий были новообращённые христиане и близкие к христианам язычники (родственники, друзья, соседи, коллеги и пр.)³¹. Для обоснования своей позиции П.Н. Лебедев ссылается на положение христианской религии в Римской империи, а также на пассажи Тертуллиана и Оригена, в которых говорится, что христианские сочинения читаются самими же христианами.

Таким образом, в развитии историографии заявленной темы можно выделить два основных этапа:

1) до начала XX в.: апологетика исследуется преимущественно конфессиональными историками как в отечественной, так и в зарубежной науке; в центре внимания учёных находится богословие апологетов; адресаты их сочинений (в первую очередь, «высокие адресаты») не ставятся под сомнение;

2) XX – начало XXI вв.: на данном этапе помимо богословских проблем исследуются исторические проблемы раннехристианской апологетики: в частности, апологии сравниваются с частными петициями к императорам, сохранившимися до наших дней, что позволяет по-новому взглянуть как на их форму, так и на их адресата. В отечественной историографии в советский период данная тема практически вытеснена на периферию научных исследований, в постсоветский период наблюдается оживление интереса к ней, но чувствуется серьёзный разрыв с достижениями западной науки.

²⁹ Большаков А.П. Греко-иудейские традиции в христианских апологиях II–IV вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

³⁰ Лебедев П.Н. Рим и христианство: переосмысление истории в апологетике II–III вв. // ВДИ. 2018. №4. С. 889–904. См. его же: Кому были адресованы христианские апологии II в.? // Память и идентичность – III. Историк и его аудитория. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 67–82.

³¹ Лебедев П.Н. Рим и христианство... С. 893.

Современные исследователи вырабатывают новые и оригинальные подходы к апологиям; дискутируется вопрос об их аудитории. На сегодняшний день можно выделить следующие точки зрения относительно данной проблематики:

1) апологии предназначались для внешней публики; по форме многие из них являлись частными петициями на имя императора, *libelli*;

2) апологии предназначались для языческой образованной публики, но «высокие адресаты» – обращения к императорам, имеют фиктивный характер;

3) апологии не были распространены среди нехристианской публики, они имели хождение либо внутри христианских общин, выполняя функции обучения основам веры, утешения и увещевания для новообращённых; либо среди людей, так или иначе приближенных к христианам (родственники, соседи, товарищи, коллеги и т.д.). «Высокие адресаты» имеют фиктивный характер.

Научная новизна диссертационной работы:

1) Впервые в отечественной историографии представлено комплексное исследование по проблеме социального адресата раннехристианских апологий.

2) Впервые в мировой историографии рассмотрен вопрос о профессиональном статусе апологетов раннего христианства с учётом сведений о положении философов и риториков в римском обществе II – первой половины III в.; доказано, что статус философов предоставлял апологетам возможность обращаться к нехристианской образованной аудитории, в том числе к самим императорам.

3) Впервые выявлены основные значения, вкладываемые в термин «апология», в раннехристианской литературе (начиная с новозаветных текстов и заканчивая сочинениями самих апологетов).

4) Впервые обосновано, что литературный характер апологий не свидетельствует в пользу фиктивности «высоких адресатов»; апологии

существовали в рамках распространённой в I–III вв. традиции адресовать литературные тексты августейшим особам.

Положения, выносимые на защиту:

1) Поскольку гонения на христиан в Римской империи во II – первой половине III в. имели ограниченный характер и не был выпущен закон, напрямую запрещающий христианство, для апологетов существовала возможность обратиться к внешней нехристианской аудитории.

2) Обращение к нехристианской аудитории (в том числе, к самим императорам) было возможным ввиду профессионального статуса апологетов. Философы и риторы занимали достаточно высокое положение в римском обществе II–III вв., они пользовались значительным авторитетом в глазах образованной публики и могли отстаивать интересы своих общин перед императорами.

3) Термин ἀπολογία, как правило, употреблялся христианскими писателями в значении защиты от конкретных обвинений. При этом апология, согласно тем же авторам, могла осуществляться либо на деле (в подобном случае сам образ жизни христиан должен продемонстрировать ложность обвинений со стороны язычников), либо на словах, путём произнесения речей. В большинстве случаев термин ἀπολογία связывался с обращениями к нехристианской аудитории, однако у Оригена апологии придаётся функция наставления и укрепления в вере сомневающихся членов Церкви. Таким образом, апология обращена к внешнему адресату, но могла также храниться и распространяться среди верующих.

4) По содержанию и структуре апологии примыкают к сочинениям протрептического жанра. Основная функция таких текстов заключается в убеждении читателя, мало знакомого или совсем не знакомого с христианским вероучением, приняться за изучение христианской философии и образа жизни. В целом, апологетику необходимо рассматривать как разновидность

философского протрептика с ярко выраженной линией защиты христианского вероучения.

5) Обращение апологетов к носителям власти не имело официального характера (т. е. не предназначалось для императорской канцелярии); оно являлось литературно-публицистическим обращением философов к просвещённым правителям. Раннехристианские апологии предназначались, в первую очередь, для внешней языческой аудитории, включая правителей Римской империи. В то же время некоторые из них служили для укрепления новообращённых или слабых в вере.

Теоретическая и практическая значимость работы. Основные выводы диссертационного исследования могут быть использованы при изучении положения христиан в Римской империи II–III вв. и при изучении истории раннехристианской литературы (в частности, проблематики жанров). Материалы работы также могут быть использованы при разработке общих и специальных лекционных курсов, при проведении семинарских занятий и написании учебных пособий по истории древнего Рима и по истории христианской Церкви.

Степень достоверности и обоснованности данного исследования определяется полнотой источниковой базы: изучены как сохранившиеся тексты самих апологий, так и внешние свидетельства о них и их авторах. Привлечён большой массив античной и раннехристианской литературы, позволяющей установить жанровое своеобразие и особенности апологетических произведений, а также определить социальный портрет аудитории.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования представлены в 5 статьях, в том числе в 4 статьях в изданиях из перечня рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты также были представлены на конференциях: 1) Всероссийская конференция «Античность XXI века» (Санкт-Петербург, 2021); 2) конференция памяти Заслуженного профессора Московского университета

Ии Леонидовны Маяк (Москва, 2022); 3) Всероссийская научная конференция «Сергеевские чтения» (Москва, 2023 г.); 4) Всероссийская научная конференция «Сергеевские чтения» (Москва, 2025 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы.

Введение включает в себя обоснование актуальности темы, формулировку объекта и предмета, постановку цели и задач, а также определение хронологических рамок исследования. Во вводном разделе диссертации охарактеризованы принципы и основные методы исследования, обоснована научная новизна работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Во введении также дана характеристика источников и выявлена степень изученности темы в мировой науке.

Первая глава **«Империя и Церковь во II – первой половине III в.: условия деятельности раннехристианских апологетов»** построена по проблемно-хронологическому принципу, в ней даётся анализ взаимоотношений раннехристианской Церкви и Римского государства во II – первой половине III в., выявляются способы обращения апологетов к внешней нехристианской аудитории в условиях гонений. Глава состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе **«Положение Церкви в первой четверти II в. и начало христианской апологетики»** анализируются рескрипты императоров Траяна и Адриана о христианах. Автор приходит к выводу, что единого закона, по которому христиане подвергались гонениям, в первой четверти II века не существовало; рескрипты Траяна и Адриана на роль такого закона претендовать не могут, поскольку они предназначены для урегулирования

конкретных ситуаций в провинциях. Следовательно, правовое положение Церкви в первой четверти II в. не препятствовало христианским апологетам обращаться к представителям власти, в том числе к самим императорам. Церковно-историческая традиция относит деятельность первых апологетов – Кодрата и Аристида – к правлению Адриана. Об Аристиде традиция свидетельствует как о философе: этот статус он подчёркивал ношением философского плаща – трибона. Сохранилось множество сведений о покровительстве Траяна и Адриана интеллектуалам. В частности, философы могли апеллировать к принципсам от имени своих общин; обращение христианских апологетов к императору не противоречит существовавшей в это время общественной практике.

Во втором параграфе *«Положение христиан в Империи в середине II в. и выступление апологета Юстина»* делается вывод, что общей правовой нормы относительно христиан в середине II века по-прежнему не существовало. Преследования христиан в правление Антонина Пия имели ограниченный характер, вследствие чего для апологетов оставалась возможность обращаться ко внешней аудитории, в том числе к самому императору. Антонину Пию адресовал апологию христианский писатель Юстин. Последний по своему профессиональному статусу являлся философом; на основании свидетельств о его биографии можно сделать вывод, что он поддерживал связи с внешним языческим миром (участвовал в публичных диспутах на философскую тематику, имел собственную школу). Философы и риторы при Антонине Пие имели доступ к особе императора, могли отстаивать перед ним интересы своих общин. Таким образом, обращение апологета Юстина соответствует устоявшимся способам взаимодействия философа и правителя.

В третьем параграфе *«Гонения на Церковь при Марке Аврелии и расцвет раннехристианской апологетики»* анализируются свидетельства об антихристианских акциях и их юридической основе в правление Марка Аврелия, а также о деятельности апологетов в этот период. В данное время

положение Церкви ухудшается, она претерпевает два гонения. В этой связи возрастает активность апологетов, апеллирующих к императору с просьбой ограничить преследования. Большинство известных апологетов данного времени предстают как философы, учитывая то покровительство, которое Марк Аврелий оказывал философам и риторам в своё правление.

В четвертом параграфе *«Церковь и императорская власть при Коммодe»* делается вывод, что при Коммодe преследования не имели такого масштабного характера, как при Марке Аврелии; в основном, они затронули единичных, наиболее выдающихся представителей христианской Церкви. В мученических актах Аполлония встречается упоминание о сенатусконсультe и императорском указе о христианах, однако эти нормативные акты связаны с конкретным делом и характера общего правила не имели. Новые указы против христиан при Коммодe приняты не были.

В пятом параграфе *«Положение христиан при Северах и обращение апологетов к правителям»* анализируются свидетельства о положении христиан и о деятельности апологетов в период, характеризующийся достаточно противоречивыми отношениями между Церковью и верховной властью. При Септимии Севере происходят гонения, возможно, вызванные его указом о запрете прозелитизма, но имевшие локальный и достаточно ограниченный по времени характер. При Каракалле собраны в одной книге рескрипты, направленные против христиан, но каких-либо масштабных гонений за этим не последовало. При Александре Севере среди правящих кругов наблюдается большая терпимость по отношению к Церкви; интерес к христианству проявляют некоторые члены императорского дома. Их знакомство с новой религией происходит в синкретическом духе. Деятельность апологетов при Северах мало чем отличается от деятельности апологетов при Антонинах: в глазах внешнего нецерковного мира они предстают как философы, а своё учение пытаются представить в качестве философского.

Вторая глава «*Термин «апология» в раннехристианской литературе и особенности апологетического жанра*» посвящена анализу термина «апология» и проблеме соотношения апологетики с протрептиком в раннехристианской литературе.

В *первом параграфе* анализируется употребление раннехристианскими авторами лексем ἀπολογία и ἀπολογέομαι. В церковной литературе I–III вв. термин ἀπολογία имеет следующие значения:

1) в самом широком смысле – образ жизнь христиан, который сам по себе служит опровержением всякого злословия против верующих (первое послание Петра, Ориген);

2) защита перед властителями и судьями мира сего («Деяния Апостолов», мученические акты);

3) оправдание христианского учения от тех обвинений, которые на него возлагаются язычниками (труды апологетов).

Достаточно часто раннехристианские авторы сопрягают с термином «апология» слова ἐγκλήματα, κατηγορία, αἰτιώματα (обвинения), а также ψευδομαρτυρία (лжесвидетельства) и т.д. Апология, таким образом, является не обращением к язычникам с целью проповеди, но некоей реакцией: апология всегда возникает там, где есть чётко сформулированные обвинения, предъявляемые верующим и Церкви. Исходя из анализа употребления лексем ἀπολογία и ἀπολογέομαι, делается вывод, что апологии обращены чаще всего к нехристианской аудитории с целью убеждения читателя, перемены его мысли и образа жизни. Евсевий и последующая церковно-историческая традиция отмечают для апологий апеллирование к правителям Империи. Исходя из этого, можно определить «ядро» апологетического жанра – тексты Аристида, Юстина, Афинагора и Тертуллиана, посвященные опровержению клеветы на христиан и обозначающие в качестве адресатов носителей власти (императоров и наместников провинций).

Второй параграф посвящён проблеме *соотношения апологии и протрептика в раннехристианской литературе*. Известно, что жанр протрептика был достаточно распространён в античности, начиная с Аристотеля. Цель подобного рода сочинений заключалась в том, чтобы убедить слушателей или читателей к изучению философии и нравственному совершенствованию. Однако свидетельства о языческом протрептике крайне скудны; они не позволяют определить, в какой мере такой жанр сочетался с апологетическим дискурсом. Анализ раннехристианских текстов (в частности, «К Автолику» Феофила Антиохийского и «Октавия» Минуция Феликса) показывает, что в трудах протрептического характера, имеющих целью убедить читателя изменить мировоззрение, апологетический компонент содержался и занимал существенное место. Таким образом, протрептический жанр мог включать в себя апологию.

В третьей главе решается *проблема соотношения раннехристианских апологий и официальных петиций*.

Первый параграф посвящён *апологии Аристиды*. Она сохранилась в трёх вариантах – на греческом, сирийском и армянском языках. Адресаты апологии указаны в двух последних версиях. Сирийская называет в качестве такового Антонина Пия, в то время как армянская обращена к Адриану (согласуясь с церковно-исторической традицией). В данной связи возникает проблема датировки произведения. Делается вывод, что сочинение Аристиды было написано и представлено императору Адриану около 125 г. По форме оно не является частной петицией (*libellus*), поскольку главная цель – привлечь внимание читателя к вероучению и образу жизни христиан, а не попросить императора решить определённую проблему. Апология имеет форму философского протрептика, адресация её в таком виде была возможной, учитывая широкую практику представления подобных произведений правителям во II–III вв. Дополнительным свидетельством в пользу адресации сочинения нехристианину является прием, к которому прибегает автор для презентации церковного вероучения. В начале апологии Аристид стремится

предстать перед читателем в качестве мудреца, излагающего философское учение о Боге в духе среднего платонизма, избегая аллюзий на какое-либо вероучение. Лишь по ходу повествования автор подводит своего заочного собеседника к мысли, что все ранее изложенное полностью коррелирует с христианской доктриной. Апология, таким образом, адресована образованным язычникам, не чуждым интереса к философским умозаключениям (в качестве такового рассматривался и сам Адриан). Судя по выдержкам у Оригена из сочинения Цельса, данная апология была известна в кругах образованных людей. В то же время она хранилась в христианской Церкви в образовательных целях и для укрепления верующих в их убеждениях.

Третий параграф посвящён *апологиям Юстина Философа*. Две дошедшие до наших дней апологии Юстина не составляют части одного сочинения, но являются самостоятельными произведениями; каждому из них присуща своя композиция. Привлекая внимание читателя к христианскому вероучению, Юстин часто апеллирует в апологиях к авторитету философов (Гераклит, Сократ, Платон); для объяснения некоторых библейских сюжетов обращается к греческой мифологии. Оба произведения, таким образом, адресованы широкому кругу образованных язычников, в том числе представителям правящей верхушки. Данные сочинения нельзя рассматривать как официальные петиции на имя императора, поскольку они содержат серьёзные отклонения от норм официального документа. Апологии Юстина, как и сочинение Аристида, имеют характер литературного протрептика.

В четвёртом параграфе рассматривается *«Прошение о христианах» Афинагора Афинского*. Несмотря на то, что сочинение апологета называется «Прошением (Πρᾶσβεΐα)», сравнение с предписаниями Менандра Ритора убеждает, что апология Афинагора – это не посольская или судебная речь, которая была произнесена при официальном приёме. По форме данное произведение является обращением философа к просвещённым правителям. Этим объясняется смешение элементов разных видов речей, объём произведения и небрежность при указании адресата. Апология Афинагора,

таким образом, продолжает линию Аристида и Юстина. Апологет считает своих читателей не чуждыми классической культуре, способными к восприятию сложных философских аргументов. «Прощение о христианах» Афинагора Афинского было написано для языческой образованной аудитории, в том числе, для императоров.

Пятый параграф посвящён двум апологетическим сочинениям Тертуллиана – «Апологетику» и «К Скапуле». Оба произведения обращены к наместникам провинций, но по форме и содержанию чужды официальному тону петиций. Причиной ненависти к христианам, согласно автору, является незнание (*ignorantia*). Апологет берётся развеять это незнание, ознакомить читателя с основными положениями христианского вероучения и образом жизни христиан, придерживаясь тем самым линии философского протрептика. В апологетических произведениях Тертуллиан проявляет большую терпимость к античному культурному наследию, чем в сочинениях антиеретической или моралистической направленности, что служит весомым свидетельством в пользу обращения Тертуллиана к языческой аудитории.

В *заключении* сформулированы основные выводы исследования, которые отражены в положениях, выносимых на защиту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во II – первой половине III вв. христиане подвергались гонениям, но эти преследования имели локальный и спорадический характер. Единого закона, запрещавшего христианство, не существовало; рескрипты императоров II – начала III вв. общих норм относительно христиан не предписывали. В данной связи правовая ситуация не препятствовала апологетам обращаться к представителям власти, в том числе к самим императорам. Учитывая, что большинство апологетов по своему профессиональному статусу являлись

философами, а правители из династий Антонинов и Северов покровительствовали интеллектуалам, предоставляя им ряд привилегий, апологеты обладали возможностью обращения к принцепсам.

В раннехристианской литературе апология имеет двоякое значение: с одной стороны, она выступает как сочинение, направленное на опровержение чётко сформулированных обвинений; с другой – как образ жизни христиан, который также призван опровергнуть клевету на верующих. У Оригена апологии придаётся функция увещевания к сомневающимся членам Церкви, из чего следует, что некоторые сочинения подобного рода хранились внутри Церкви и читались самими верующими для укрепления в собственных убеждениях. Такая функция не являлась основной для апологетических произведений. В большинстве случаев в раннехристианской литературе термин «апология» связывается с обращённостью к нехристианской аудитории; основная задача апологии – убедить читателя, мало знакомого или незнакомого с христианством, в необходимости изучения христианской философии и образа жизни. По жанровой принадлежности апологетику следует определить как разновидность философского протрептика с ярко выраженной линией защиты христианского вероучения.

Ряд приёмов, которые использовались апологетами для доказательства подлинности учения Церкви (сравнения библейских сюжетов с греческими мифами, апелляция к философам и поэтам древности как к авторитетам), свидетельствует, что апологеты рассчитывали на образованных язычников, включая правителей Римской империи. Большинство авторов, обозначая императоров в качестве адресатов своих текстов, часто обращаются к ним по ходу повествования. Нередко в структуру сочинений апологеты добавляют элементы посольских речей и частных петиций. Однако с последними апологии имеют ряд серьёзных расхождений (большой объём, свободное употребление имён и титулов императоров, наличие философских умозаключений), из чего следует, что данные произведения не предназначались для императорской канцелярии в качестве реальных

петиций. Апологии имеют литературный характер, который, однако, не свидетельствует в пользу фиктивности «высоких адресатов». Во II–III вв. среди писателей и учёных существовала традиция адресовать свои произведения принципсам. Апологеты следуют этому обыкновению и не выходят за рамки сложившейся общественной практики.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

I. Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. Всеобщая история

1. Самойлов Д.А. Первые христианские апологеты и их положение в Церкви // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. №4. С. 85–88 (0,5 п.л.; импакт-фактор по РИНЦ – 0,254; EDN: MBNJUH).
2. Самойлов Д.А. Проблема социального адресата апологий в современной зарубежной историографии // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16. № 1 (59). С. 64–69 (0,7 п.л.; импакт-фактор по РИНЦ – 0,402; EDN: RHDLJL).
3. Самойлов Д.А. Рескрипты Траяна и Адриана и деятельность первых апологетов христианства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 3 (77). С. 198–210 (1,5 п.л.; импакт-фактор по РИНЦ – 0,355; EDN: FPRDBP).
4. Самойлов Д.А. Апология Аристида, её форма и адресат // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 40–51 (1,3 п.л.; импакт-фактор по РИНЦ – 0,215; EDN: WUDOAD).

II. Иные публикации

5. Самойлов Д.А. Апология Афинагора Афинского и её социальный адресат // Via in Tempore. История. Политология. 2022. Т. 49. № 3. С. 510–519 (1 п.л.; импакт-фактор по РИНЦ – 0,275; EDN: KTRPDFV).